

I. PROBLEMS IR SPRENDIMAI / PROBLEMY ICH ROZWIĄZANIA

Олег В. Лещак

Свентокшицкая Академия им. Яна Кохановского

ul. Leśna 16, 25-369 Kielce, Polska

Тел.: (48-41) 344 48 56

E-mail: ifs@pu.kielce.pl

ОНТОЛОГИЯ СЕМИОТИЧЕСКОГО ОПЫТА (ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД)

В статье анализируется онтологический статус ключевых объектов семиотики: знака, сигнала и семиотической деятельности с точки зрения функционально-прагматической методологии, а также подвергаются функциональной критике сопряженные с ними понятия «семантика», «синтактика» и «прагматика». Знак и сигнал рассматриваются как информационные двусторонние единицы, как функции опыта, отличающиеся по своему онтологическому статусу как от обозначаемых предметов опыта, так и от сигнальных предметов, которые их репрезентируют в акте межличностной коммуникации. Автор принципиально отождествляет в онтологическом отношении все типы сигналов (как естественные, так и арбитральные). Одновременно с этим проводится онтологическая дифференциация знака как психомыслительной функции и сигнала как функции психофизиологической. С позиций функционально-прагматической методологии подвергаются ревизии традиционные трактовки понятий семантики, синтактики и прагматики знака. Знак рассматривается как двойственная функциональная значимость – прагматическая (целевая) и структурная (семантическая и формальная).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семиотика, семиотическая деятельность, знак, сигнал, функционализм, прагматизм, онтология.

Семиотическая деятельность и семиотический опыт: терминологическое введение

Языковая деятельность (вербальный опыт) как интегральная составная человеческого опыта в целом должна рассматриваться как часть более общей антропологической функции – **семиотической деятельности**. С функционально-прагматической точки зрения вербальный опыт может быть определен как отношение **картины мира и психосоциальной активности к сигнальной коммуникации**. Термин «семиотическая деятельность» (гораздо более адекватный функционально-прагматическому

пониманию проблем семиотики, чем синонимичный ему термин «семиозис») не нов. В русскоязычной науке его уже давно использовали в школах Ю. Лотмана и Г. Щедровицкого. Достаточно широко используют его и сейчас (В. Абашев, В. Гудов, В. Е. Еремеев, В. Б. Кашкин, Н. И. Куприянов, Т. С. Нифанова, В. М. Розин, Н. Г. Салмина, Н. Сироткин, А. Соломоник и др.). Языковым вариантом этого понятия является также весьма распространенный термин «**знаковая деятельность**» (Э. Д. Владимирова, В. П. Даниленко, А. Н. Исаков, И. Е. Ким, Д. П. Мозговой, М. В. Никитин, Д. А. и Б. Д. Нуриевы, И. И. Осинский, В. М. Розин,

Е. Е. Сапогова, М. Д. Эпштейн и др.). Сходными (хотя и не аналогичными) можно считать термины «семиотический процесс», встречающийся еще у Соссюра и «семиотическое поведение». Для меня тут важны два момента: во-первых, функциональный характер семиозиса, а во-вторых, инвариантность, регулярность и целенаправленность совершаемых человеком семиотических интеракций, которые как нельзя лучше передает ключевой для функционального прагматизма термин «деятельность». Суть оговариваемого объекта может быть передана также термином «семиотический опыт», употреблявшимся Ю. Лотманом, М. Мамардашвили и А. М. Пятигорским, а также многими другими российскими учеными (напр., О. В. Пустовойтом, С. С. Руснак, Г. Г. Слышкиным, В. Н. Соколовым, Ю. А. Сорокиным, У. В. Ульяновской, И. И. Шевченко) и синонимичным ему, хотя и несколько реже встречающимся термином «знаковый опыт» (В. Н. Шапалов). Этот последний использован, например, в переводе на русский язык книги Сьюзен Лангер «Философия в новом ключе».

Сигналы и семиотические предметы

Функциональный прагматизм отстаивает строго антропоцентрическое и социально-психологическое понимание знака и всего, что с ним связано. Знак – прежде всего опытная функция (двустороннее отношение) и как таковая не может быть материальным, что декларирует большинство справочных и учебных пособий по семиотике. Физический предмет сам по себе не может быть знаком. Он может быть (может становиться) субстратом сигнала, а точнее, восприниматься как таковой только в процессе семиотической деятельности человека (или другого животного)¹. Сказанное ни в коем случае не должно трактоваться, как превра-

щение предмета во что-то иное. Просто предмет, воспринимаемый человеком как повод для появления у него (у человека, конечно) какой-то вторичной и косвенной информации, прямо не связанной с этим предметом, в такой момент становится сигнальным средством в человеческой семиотической деятельности. Качающаяся за окном ветка, капли, стекающие по стеклу, вмятина на снегу или бой часов могут быть восприняты двояко: перцептивно и семиотически. Если их воспринимать только как качающуюся ветку, каплю на стекле, вмятину на снегу или звуки (что очень сложно, учитывая глубокую ангажированность современного человека в культурно-цивилизационное бытие), можно сказать о чисто перцептивном характере такого восприятия. Но и в этом случае все описанные феномены сами по себе не являются носителями какой-то информации (не обладают смыслом – в прямом понимании термина «обладать»). Зато когда при восприятии указанных физических объектов у человека возникает вторичная информация о ветреной погоде, дожде, животном, оставившем вмятину на снегу, или о полуночи, можно говорить о семиотическом восприятии определенных предметов.

Можно ли назвать эти предметы (ветку, капли, вмятину на снегу, звук) знаками? Я думаю, нет, поскольку знак – это инвариантная информация о ситуации совмещения в одной опытной ситуации двух сведений: чувственно-рассудочных (восприятия некоторого физического объекта и рассудочной информации о нем) и рассудочно-разумных (информации о каком-то ином объекте). Может быть, тогда назвать эти предметы сигналами (часто так их и называют)? Мне кажется, тоже нет. Сигнал, равно как и знак, должен быть элементом опыта, соотносенным с какой-то информацией. Таковым является наше восприятие указанных

¹ Он и предметом (феноменом) является не сам по себе, а только в случае его вовлечения в опытную деятельность. Это базисное онтологическое положение функционального прагматизма, восходящее к кантовской традиции.

физических объектов. Сигналом является не качающаяся ветка, а вид (образ) качающейся ветки, ассоциируемый в момент восприятия с идеей о ветреной погоде. И знак, и сигнал – это семиотические функции, части человеческого опыта, а не его предметы. Поэтому сами по себе физические предметы лучше называть не знаками или сигналами, а *сигнальными* (или семиотическими) *предметами*.

Знаки отличаются от сигналов своей чисто информационно-психической природой (сигналы с онтологической точки зрения информационно-психофизиологичны). Сигнальные же предметы, будучи феноменами природы (натурфактами или артефактами), являются не функциями опыта, но лишь его предметами². Они обладают энергоматериальной природой.

С точки зрения выполняемых ими функций в семиотическом опыте все знаки (и сигналы) можно разделить на *коммуникативные* (инструментальные) и *некоммуникативные* (непроизвольные, собственно-информативные). Различие состоит в том, используются ли некоторые семиотические предметы как средство коммуникации или же только как источник информации. Во втором случае можно говорить о *признаках* (свойствах) предметов и явлений, *симптомах* состояний и действий, *следах* действий, служащих нам для порождения некоторой вторичной информации. Наблюдение некоторого физического объекта или явления как семиотического предмета порождает феномен некоммуникативного сигнала и ассоциируется с соответствующей вторичной информацией в нашей картине мира. Например, если дым из трубы мы наблюдаем не просто как окрашенное газообразное вещество, а как сигнал, т. е. как след сжигаемой резины, как симптом горения огня в очаге или как признак направления ветра, это значит, что мы обладаем соответствующей знаковой инфор-

мацией в нашем семиотическом опыте. Признак, след и симптом принципиально отличаются друг от друга тем, что признак и симптом соприступают с обозначаемым фактом в семиотической ситуации, а след всегда отстает от него во времени. Стук по стеклу воспринимается как сигнал, синхронизированный с мыслью о капле дождя, а вид капли на стекле – как сигнал, синхронизированный с мыслью о дожде. В обоих случаях можно говорить о признаках или симптомах. Если же мы видим капли на стекле, но не слышим стука и не видим ни вновь появляющихся на стекле капель, ни капель, падающих на землю (например, кругов на лужах), мы делаем вывод, что дождь уже прошел, а видимые нами капли – лишь его следы. Симптомы и признаки могли бы рассматриваться как один и тот же вид некоммуникативного сигнала, однако для удобства описания семиотической деятельности я предложил бы разводить сигналы, информирующие о субстанциях (предметах и явлениях) – признаки, и сигналы, информирующие о процессах (действиях и состояниях) – симптомы. Сыпь может восприниматься как признак нездоровой кожи (предмета) и как симптом заболевания (процесса).

Но ни один из вышеописанных сигналов не может быть назван коммуникативным, поскольку появлению семиотического предмета не предшествовал волевой и целевой акт означивания с целью сообщения какой-то информации. Поэтому каждый человек в своей картине мира обладает собственным набором некоммуникативной знаковой информации: один умеет «прочитывать» следы, обнаруживать симптомы и замечать признаки, а другой такой способностью обладает весьма ограниченно. И дело не в том, что семиотические предметы сами по себе «проявляют» или «скрывают» находящуюся в них вторичную информацию.

² Вспомним положение Канта, «природа, рассматриваемая *materialiter*, есть совокупность всех предметов опыта» (КАНТ, И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. In КАНТ, И. Собрание сочинений в восьми томах. Москва, 1994, т. 4, с. 52).

В силу системной организации нашей картины мира каждый ее компонент опосредован огромным количеством отношений с другими компонентами. Следовательно, все зависит от того, насколько развита структура картины мира (прежде всего структура его семиотического опыта) и насколько способен человек использовать свои семиотические знания в конкретной жизненной ситуации. Развитость структуры семиотического опыта – фактор, влияющий на пассивную семиотическую деятельность (восприятие семиотических предметов и явлений), умение же пользоваться своими семиотическими знаниями – фактор, обеспечивающий активную семиотическую деятельность (семантизацию окружающей среды и семиотизацию предметов опыта). В любом случае некоммуникативные сигналы (и соответствующие им семиотические предметы) – это чаще всего продукт личностных опытных наблюдений, хотя они являются необходимым элементом целенаправленного обучения. Родители, знакомые, СМИ, школа, традиционные прецедентные тексты постоянно информируют новые поколения о том, что значит то или иное явление природы, как «расшифровывать» ту или иную предметную ситуацию, что «скрывается» за тем или иным действием, о чем «свидетельствует» тот или иной признак предмета.

Коммуникативные сигналы обычно определяются как конвенциональные и арбитражные. Единственная поправка к традиционной характеристике коммуникативного сигнала, которую я хотел бы сделать, касается термина «конвенциональность». Дело в том, что этот термин омонимичен и может быть понят двояко: либо как договоренность (условленность), либо как последовательность (регулярность). Конвенциональными во втором смысле должны быть все сигналы и знаки – как коммуникативные, так и некоммуникативные. Если я распознаю сигнал всякий раз по-иному – это разные

сигналы. Коммуникативные же сигналы должны быть конвенциональны в первом смысле – должны быть социально условленными сигналами («Коммуникация – это социальная реализация информации»³). Таким образом понимаемая конвенциональность становится основой инструментальности сигнала.

Основными естественными средствами межличностной коммуникации у людей являются звуки, жесты, мимика, положение тела, выражения глаз и касания. Однако культурное общественное развитие человека породило целый ряд семиотических функций, которые можно было бы назвать *собственно коммуникативными сигналами* (поскольку их основная задача – служить средством общения) и *культурными символами* (их задача – быть условными сигналами-спецификаторами неких значимых для данной культуры смыслов). К собственно коммуникативным сигналам относятся, прежде всего, речевые и паралингвистические сигналы (акустические, зрительные и кинетические представления, изображения, жесты). Культурные символы – это всегда вторичные сигналы, т. е. сигналы, которые раньше функционировали или как некоммуникативные, или как собственно коммуникативные сигналы.

Онтологическая сущность знака

До сих пор я говорил лишь о сигналах и семиотических предметах опыта. Пора обратиться к базовому понятию знака. Если все оговоренные выше семиотические функции были определены как сигналы, то что же тогда следует считать знаком? Для функционального прагматиста знак – психо-социальная функция коммуникативного опыта, т. е. информационное взаимоотношение двух функций, *не являющихся этим знаком*. Это положение мне кажется особенно важным, поскольку оно отделяет функциональный прагматизм не только от реализма и феноменализма (сводящих знак к

³ БЕРЕЗИН, В. М. *Теория массовых коммуникаций*. <http://humanities.edu.ru/db/msg/2362>

сигналу), но и от идеализма (например, от феноменологии, сводящей знак к имманентной интенциональной сущности).

Обращусь к следующему высказыванию А. Соломоника: «<...> Семиотический знак имеет двойное подчинение и, соответственно, двойной вектор развития и анализа этого знака. Нам всегда следует иметь в виду оба эти направления: связь знака с изображаемым, с одной стороны, и его включенность в систему знаков, с другой»⁴. Заявленное двойственное отношение знака не имеет ничего общего с тем, что я называю функциональной зависимостью. Отношение «знак – референт» в свете такого понимания знака – это очень странная семиотическая функция. Если знак «обозначает», «репрезентирует», «демонстрирует» изображаемое (референт), он должен быть либо реальным предметом, содержащим в себе информацию (позиция реалистической метафизики), либо идеей, информацией (идеалистическая или психологическая позиция). Но А. Соломоник представляет знак зависимым только от обозначаемого явления («связь знака с изображаемым») и от других знаков в пределах системы («включенность в систему знаков»). Знак, понимаемый таким образом, совершенно независим от своих опытных репрезентаций (сигналов). Но если нет зависимости между изображающим (репрезентацией) и информацией о репрезентации, то нет и отношения между ними, а значит, нет между ними и различия. Это значит лишь одно: значение и репрезентирующий его сигнал отождествляются в едином понятии знака. Отсюда вывод: знак в выше процитированном эпизоде – это не только не информация, но и не функциональное явление. Это просто некий реальный предмет, односторонне соотнесенный с неким «изображаемым» феноменом. Перед нами одна из наиболее распространенных методологических позиций в семиотике, восходящая еще к кон-

цепциям Аристотеля и Фомы Аквинского.

Определенным ответвлением от описанной концепции (в сторону еще более радикального номинализма и феноменализма) могла бы считаться унилатеральная теория знака, представляющая знак как чистое означающее, лишенное какого-либо имманентного содержания. В наиболее радикальной форме подобные концепции (например, бихевиоризм, логический позитивизм, радикальный материализм, теория нейронных сетей, конекционизм) представляют знак как некий реальный, осязаемый органами чувств предмет в его отнесенности к другому реальному предмету. Интересно то, что сам факт со-отнесенности, соотношения, функциональной связанности в таких концепциях становится как бы формальным условием, принимаемым за само собой разумеющееся обстоятельство, не заслуживающее специального обсуждения и онтологического обоснования. Для функционалиста же сами по себе предметы (изображаемое и семиотический предмет) имеют второстепенное, фоновое значение. Знаком здесь объявляется не какой-то предмет реального мира, а именно само указанное отношение, наличествующее в опытной способности субъекта. Изображаемый объект – это еще не знак (не важно, является ли он предметом или явлением внешней по отношению к опыту действительности, или же это понятие в нашей картине мира). Сигнал же, при помощи которого сообщаем об этом объекте (в процессе коммуникации), или сигнал, т. е. та семиотическая функция, при помощи которой узнаем или сообщаем об этом объекте – это еще не физический предмет, но это уже не знак.

Функционально-прагматической трактовке знака гораздо ближе концепция идеалистической методологии, представленная в теории интенциональности Э. Гуссерля и феноменологии имени А. Лосева (ближе – но не более

⁴ СОЛОМОНИК, А. *Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности)*. <http://www.oim.ru/reader.asp?whichpage=1&mytip=1&word=&pagesize=15&Nomer=354>

того). Гуссерль, как последовательный платонист, строго различал знаки (как идеальные инвариантные сущности) и сигналы (как актуальные семиотические феномены). Правда, Лосев, будучи неоплатоником, представил знак как многослойное диалектическое единство идеальных сущностей и материальной репрезентации (или, точнее, как постепенное эманационное нисхождение знака к сигналу), что существенно сблизило эту разновидность феноменологии с вышеописанным реалистическим видением знака. К тому же, обе концепции представляли знак субстанционально – как сущность, эссенцию, а не как функциональную зависимость. Суть феноменологической и эйдегической редукций, принятых в качестве основных методик в этих концепциях, состоит в процедуре, обратной той, которую осуществляет функциональный прагматист, а именно в отсечении (вынесении за скобки) всех несущественных связей, отношений и зависимостей вплоть до обнаружения чистой сущности знака.

Иногда совершенно ошибочно (на мой взгляд) пытаются отождествить гуссерлианскую концепцию знака с концепцией Соссюра или прагматов. Есть, по крайней мере, два существенных обстоятельства, делающие такое отождествление невозможным. Первое: для Гуссерля знак – элемент логического интеллигибельного пространства (единого для конкретной личности и всего Универсума). В этом он проявил свой последовательный августинизм. Для Соссюра же и для большинства представителей Пражского лингвистического кружка (а также для Потемни и Бодуэна) знаки неотторжимы от человеческой психики, от человеческого опыта. Второе: для Гуссерля знак – чистая сущность, суть которой состоит в понятии интенциональности, т. е. отнесенности к какому-то реальному объекту. Отношение «знак – предмет интенциональной отнесенности» по Гуссерлю абсолютно. Оно обладает конституирующей силой, т. е. играет решающую роль в онтологизации мира. Здесь Гуссерль проявил свои неокантианские взгляды. Именно мар-

бургцы таким образом пытались нивелировать ту эпистемологическую границу, которую определил И. Кант между опытом и миром вещей в себе. Устранение человеческого фактора открывало путь для отождествления мира и логического пространства. Опосредующим звеном в таком отождествлении должен был стать знак. У Лосева эта же идея выражена в идее Имени, совмещающего в себе объект, наименование и мысль об объекте. Ученики Гуссерля (и в первую очередь Мартин Хайдеггер) довели эту идею до логического завершения, создав целостную панлингвистическую (или пансемиотическую) концепцию мира как языка или (в современных постмодернистических концепциях) мира как текста. Настоящим пиком и совершенно логическим венцом подобного способа понимания знака стала теория симулякра – знака без какого-либо отнесения, знака со стертой референцией (безотносительностью к обозначаемому объекту) и стертой прагматикой (безотносительностью к обозначающему субъекту). Симулякр не только не обозначает чего-либо, кроме себя самого, но он еще и ничей знак. За ним не стоит никакой реальный человеческий опыт.

В функциональной методологии такое понимание знака неприемлемо, поскольку оно ведет либо к гипостазированию смысла (информации об обозначении) и выведению его за пределы человеческого опыта, либо к полному отрицанию смысла. Описанное выше понимание знака (как системной информации, соотношенной с неким обозначаемым объектом) должно быть дополнено двумя очень существенными деталями: а) отношением к сигнальному предмету, при помощи которого осуществляется сигнализация некоего смысла; б) отношением к картине мира как функциональной части конкретного личностного опыта.

В семиотике (после Ч. Морриса) стало уже традиционным выделение трех аспектов знака – семантики, синтактики и прагматики. Как соотносятся эти стороны знака с тем, что я предложил выше? Отношение знака к обозначаемому объекту обычно называют семантикой

знака, отношение знака к другим знакам (в системе или в тексте) – синтактикой, а отношение знака к интенции (цели) – прагматикой. Все эти положения в их традиционной трактовке вызывают у меня серьезные сомнения.

Что такое отношение знака к обозначаемому объекту? И что такое этот сам обозначаемый, «изображаемый» объект? Некая объективная сущность? Ее явление? Предмет? Понятие или представление о предмете? Обычно в таких случаях говорят о референте или денотате знака. Иногда об одном и другом одновременно, различая эти термины концептуально. Допустим, мы станем называть референтом (или референтивной ситуацией) некий объект актуального чувственного опыта, а денотатом – обобщенное представление о такого рода объектах как элемент нашей наглядной памяти (психически здоровый взрослый человек обычно отличает наглядные чувственные факты и воображаемые представления). Соотносится ли хранимый в памяти знак с конкретным чувственным фактом? Мне отвечает: да, если человек в этот момент чувственно воспринимает некий предмет своего опыта. И тут мы попадаем в логическую ловушку. Если кто-то актуально воспринимает предмет опыта, то соотносит его не со знаком, хранимым в памяти, но с актуализированным знаком своего семиотического мышления (в случае вербальных знаков сказанное можно модифицировать следующим образом: человек соотносит актуальный факт (референт) не с языковым знаком, а со знаком речевым). А с другой стороны, всегда ли мы общаемся на тему того, что в данный момент чувственно воспринимаем? Я не обладаю никакими статистическими данными, но если бы кто-то не поленился и подсчитал, какой процент наших высказываний касается актуального чувственного опыта, а какой – воображаемых представлений и даже обобщенных понятий, то наверняка убедился бы, что современный человек – это дитя виртуальной действительности.

Таким образом, обнаруживается первая странность: системный знак (знак как элемент

семиотической системы, например, языковой знак) может обозначать некие объекты чувственного опыта (референты), но, во-первых, не прямо, а опосредованно – через обобщенное представление о референте (денотат), через понятие (как элемент картины мира), через актуальный знак (знак как элемент семиотического акта, например, через речевой знак) и через сигнал, а во-вторых, не актуально (синхронически), но лишь потенциально (панхронически). Поэтому необходимо различать два типа семиотических отношений: *семиотические акты* и *семиотические модели*. Системный знак непосредственно включен только во второй тип отношения – в семиотическую модель. Элементом семиотического акта является не системный, а *актуальный знак*, являющийся репрезентантом системного знака, образованным по определенной модели.

Обратим внимание на то, что с семантической стороны знак как элемент семиотической системы соотносится, во-первых, не с реальными предметами опыта, а лишь с представлениями и понятиями картины мира, а во-вторых, не с одним обозначаемым (как в классической схеме), а с двумя – понятием (десигнатом) и денотатом. Замечу вскользь, что это положение также не ново, просто ему не придавалось ранее семиотической значимости. Я имею в виду ставшее уже классическим выделение в семантике любого информационного явления двух сторон – интенциональной (содержания, категориальной части) и экстенциональной (объема, референтивной части).

Есть у меня сомнения и касательно традиционного понимания синтактики знака. Обычно термин «синтактика» употребляется либо в бихевиористском смысле (как отнесенность сигналов-стимулов друг к другу), либо структуралистски (как системное взаимоотношение знаков-сущностей). Оба понимания представляются мне неприемлемыми в функционально-прагматической парадигме. Бихевиористское или любое сходное феноменалистическое понимание синтактики должно быть здесь однозначно элиминировано уже потому, что

оно сосредоточено на совершенно ином объекте – физическом предмете, который с точки зрения функционального прагматизма сам по себе не может обладать ни семантикой, ни синтактикой, ни прагматикой. Все это придает сигналам и актуальным знакам только пользующийся ими субъект и только в силу того, что обладает соответствующими семиотическими способностями (в первую очередь владеет инвариантной семиотической системой). В этом смысле структуралистское понимание синтактики мне несколько ближе. Однако и феноменалисты, и структуралисты не замечали существенного момента в структуре знака: его взаимоотношенности с сигналом, а через него – с сигнальным предметом. Семиотики многократно пытались развить семантическую сторону треугольника Огдена-Ричардса, выделяя промежуточные звенья в семиотическом пространстве между знаком и референтом, но очень редко проявляли такую же аналитическую тщательность при рассмотрении второй стороны знака. А ведь достаточно посмотреть на семиотический треугольник под онтологическим углом зрения, и мы обнаружим его явную диспропорциональность: референт (вещь) – понятие (информация) – знак (?).

Если знак в этой схеме материален, то он односторонен, и это такая же вещь, как и референт. В этом случае мы имеем дело с феноменалистской семиотикой. Если он материально-информативен, то почему между ним и понятием непрерывной чертой обозначена прямая связь, а между ним и референтом пунктиром обычно обозначают условные отношения? Скорее всего, реалисты-метафизики (а это именно такая методология) хотят передать не отношение в системе, а семиотическое движение, т. е. акт означивания. В таком случае следовало употребить стрелки. Но и тогда пунктир неуместен. Идея опосредованного отношения между референтом и знаком (выражаемая пунктиром) имеет смысл только

в том случае, когда мы пытаемся представить всю семиотическую ситуацию как элемент системы семиотической деятельности в целом. Но нам следует выяснить, является ли знак частью опыта (как понятия, представления, ощущения, эмоции и волеизъявления) или же это часть предметной действительности? Если семиотические явления и сущности это части опыта, на чем я настаиваю, то они должны трактоваться как информация. Треугольник Огдена-Ричардса демонстрирует только один тип информативного отношения: «знак – понятие» (или иначе «язык – картина мира»), т. е. семантику знака. А где вторая его сторона?

А ведь кроме отнесенности к объекту означивания и к другим знакам в системе каждый знак необходимо соотнесен также с сигналом как выразительным средством. Именно связь с сигналом определяет вторую сторону знака – означающее или план его выражения («апосему» в терминологии Соссюра). Вне связи с сигналом знак не был бы двусторонен, а значит, не был бы знаком. Это было бы чистое понятие. Соссюр очень точно подметил, что «говорящие субъекты совершенно не сознают апосемы, которые они производят, как, впрочем, и чистые понятия (*idées pures*). Они сознают только сему»⁵ («семой» Соссюр называл языковой знак, обладающий фонематическим планом содержания). О чем свидетельствует это высказывание? По-моему, о том, что знак своей структурой в совершенно равной степени обязан как значению («парасеме»), так и форме («апосеме»). Сигнальная информация – необходимый конституирующий элемент знака. Особо подчеркну здесь слово *информация*. Обычно вторую сторону знака представляют как материально-акустическое, в лучшем случае физиологическое явление. Однако фонологические исследования, как мне кажется, довольно убедительно свидетельствуют в пользу того, что основу выразительной стороны обычного этноязыкового знака состав-

⁵ СОССЮР, Ф. де. *Заметки по общей лингвистике*. Москва, 1990, с. 149.

ляет не материальный звукоряд и даже не чувственное представление о таком звукоряде, а сложный комплекс морфо-фонематической и графической информации о всех возможных аудио- и визуальных рядах, при помощи которых можно просигнализировать об этом знаке. Поэтому наряду с семиотическим значением я предлагаю выделять в знаке в качестве второй стороны также сигнальное значение.

Представление-действие является сигналом только при условии наличия связи с соответствующим ему знаком. Еще раз обращусь к Соссюру: «<...> Мы осознаем звук только в той мере, в какой воспринимаем всю сему, то есть вместе со значением»⁶. Само по себе физиологическое ощущение (например, акустическое или зрительное) без отношения к знаку не может быть названо сигналом: «Возьмем теперь лишнее жизни слово (его звуковую субстанцию): представляет ли оно собой по-прежнему тело, имеющее некую организацию? Никоим образом, ни в коей мере»⁷. Тем более не является таковым физическая звуковая или световая волна: «<...> Мы утверждаем, что ни механический, ни акустический факт, каждый в своей сфере, не составляют фонологического факта»⁸. Аналогичный способ рассуждения находим и у Л. С. Выготского: «Звук, оторванный от мысли, потерял бы все специфические свойства, которые только и сделали его звуком человеческой речи и выделили из всего остального царства звуков, существующих в природе»⁹. Традиционно сигналом называют «изменяющийся во времени физический процесс, отражающий передаваемое сообщение»¹⁰. Обычно ученые, придерживающиеся подобного мнения, не задаются вопросом, может ли

сам по себе физический предмет содержать и передавать информацию, даже тогда, когда осознают, что «информация не материальна» и что «знаки и первичные сигналы несут информацию только для получателя, способного распознать»¹¹. По моему убеждению, сигнал – это не сам физический предмет, а наше к нему отношение, это не субстанция, а функция, т. е. информация о соотношении знака и семиотического предмета.

Сигнал необходимо должен быть соотнесен с семиотическим предметом (например, со звуковым или графическим потоком, с движениями рук). Без такой связи он не был бы сигналом. Но и семиотический объект без связи с сигналом, т. е. с информацией, связываемой с ним в семиотическом опыте, не мог бы считаться семиотическим предметом. Как видим, от понятия как элемента картины мира через план содержания и план выражения знака идет функциональная семиотическая связь к сигналу, а от него – к сигнальным предметам как объектам нашего предметного опыта. И это все должно быть отнесено к какому-то из аспектов знака. Понятно, что ни семантика, ни прагматика не имеют к выше рассмотренным функциям никакого отношения. Поэтому мне гораздо ближе понимание синтактики как всего комплекса отношений знака к другим знакам в системе – и структурно-семантических, и формально-грамматических, и формально-эпидигматических, и формально-синтаксических, и сигнальных.

Если понимать под синтактикой только «отношение между знаками, главным образом в речевой цепи и вообще во временной последовательности»¹² или «*stosunki między znakami*

⁶ СОССЮР, сноска 5, с. 160.

⁷ СОССЮР, сноска 5, с. 162.

⁸ СОССЮР, сноска 5, с. 129.

⁹ ВЫГОТСКИЙ, Л. С. Мышление и речь. In ВЫГОТСКИЙ, Л. С. *Собрание сочинений в шести томах. Проблемы общей психологии*. Москва, 1982, т. 2, с. 15.

¹⁰ СУЛТАНОВ, Б. В. *Теория информации*. <http://www.msclub.ce.cctpu.edu.ru/bibl/ТИ/t1.htm>

¹¹ СУЛТАНОВ, сноска 10.

¹² СТЕПАНОВ, Ю. С. Семиотика. In *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990, с. 441.

w ciągu stanowiącym komunikat»¹³, то к какому аспекту семиотики отнести такую информацию, как, например, цвет (красный, синий, зеленый, белый) или форма (квадрат, треугольник, круг) знаков дорожного движения? Ведь она не касается отношений между знаками в «тексте» (во временной последовательности). Это системная информация о классах знаков (разрешающих, запрещающих или предупреждающих). К тому же, как связаны в единый дорожный пространственно-временной «текст» знаки «проезд запрещен», «одностороннее движение» и «обгон запрещен», если они не могут встретиться в одном континуальном поле опыта водителя. Единственным связующим звеном и единственным источником значения дорожных картинок-сигналов является опыт участника дорожного движения: его память (знание знаков и правил) и актуальная чувственно-мыслительная деятельность (внимательность за рулем).

Для всех культурных знаков релевантно не только то, символом какого политического института они являются (*семантика*), каким образом и в каких целях они используются (*прагматика*), как и с какими другими знаками могут сочетаться в политическом дискурсе (*синтагматическая синтактика*) и в какие классы знаков входят (*системная синтактика*), но и то, как они могут быть сигнально выражены и какие возможны варианты их сигнальной репрезентации (*сигнальная синтактика*), какова их внутренняя структура (*структурная синтактика*), с какими знаками они связаны генетически (*мотивационная синтактика*). Возьмем еще несколько примеров из области невербальных (неязыковых) знаков. Так, для системы общественных, политических и идеологических символов культуры важно и то, как эти символы выглядят, и чем мотивирована их

форма (серп и молот на советском флаге, количество звезд и полос на американском, звезда Давида на флаге Израиля, звезды на флаге ЕС, две головы орла на русском гербе, вид орлов на польском, австрийском и американском гербах, форма креста в разных религиях, форма и положение руки при отдаче чести в армиях разных стран, цвета на флагах и эмблемах, последовательность звуков и целых пассажей в гимнах). Таким образом, следует либо существенно расширить понимание термина «синтактика знака», либо заменить его более объемным термином «*грамматика знака*»

Сведение синтактики к одной синтагматике (к смежным отношениям в речевом потоке) весьма обедняет понятие семиотической системы и ограничивает возможности семиотики как научной дисциплины. Очень странно читать у того же А. Соломоника следующее: «Поскольку естественный знак напрямую связан со своим изображаемым, а само изображаемое может быть хорошо известно участнику семиозиса, знак может существовать вне знаковой системы»¹⁴. Неважно, что речь идет о «естественных» знаках. Такое асистемное понимание знака (а ведь «естественный» знак – это все равно знак) неприемлемо для функционального прагматизма. Напомню, что еще Соссюр выдвигал в качестве основополагающего критерия знака его реляционность, функциональность: «Любой языковой факт представляет собой отношение; в нем нет ничего, кроме отношения»¹⁵, а также «нам важно лишь указать на ложность предположения о том, что в языке есть хотя бы единственный факт, определенный сам по себе»¹⁶. Знак не существует вне системы: «Элементы и признаки суть одно и то же. Характерной чертой языка, как и вообще любой семиологической системы, является то, что в нем не может быть различия между тем, что

¹³ Semiotyka. In *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1999, s. 526.

¹⁴ СОЛОМОНИК, сноска 4.

¹⁵ СОССЮР, сноска 5, с. 197.

¹⁶ СОССЮР, сноска 5, с. 107.

¹⁷ СОССЮР, сноска 5, с. 163.

отличает какую-либо единицу от других, и тем, что определяет ее существование»¹⁷.

Следовательно, знак обладает кроме собственно *семиотического значения* (значения в собственном смысле слова, т. е. отнесенности к объекту означивания) и *формального значения* (формы, т. е. отнесенности к сигналу) также и *системной значимостью* (отнесенностью к другим знакам – сходным и смежным как по значению, так и по форме). Системная значимость определяет место знака в системе и его структурные потенции. Суть этого явления состоит в том, что знак является собственно иерархически структурированной системой отношений. Системная значимость может реализовываться и на уровне семантики знака (значение знака – это совокупность его системных отношений со всей картиной мира: со значениями других знаков, с чувственными образами, с эмоциональными и волитивными механизмами), и на уровне его грамматики (форма знака – это совокупность ее системных отношений с операциональной системой семиотической деятельности: моделями знакового поведения, формами других знаков и сигналами).

Однако и это еще не исчерпывает всей совокупности функциональных отношений, составляющей знак. Ведь суть знака состоит не столько в его отношении к другим знакам, и не столько в его отношении к какому-то объекту опыта и к какому-то сигналу (к каким-то сигналам). Все перечисленные отношения могут быть определены как информация, но наличие информации о каких-то объектах опыта и о каких-то сигналах еще не является поводом для возникновения знака. Знаком некоторая информация становится только тогда, когда прагматической силой коммуникативной необходимости устанавливается зависимость между информацией о некотором объекте опыта и информацией о некотором сигнале (или нескольких

сигналах). Поэтому кроме системной значимости в знаке следует выделять также *прагматическую значимость*.

Необходимо внимательнее присмотреться к понятию прагматики знака. Традиционными определениями этого аспекта можно считать либо интерактивное – «отношение между знаками и тем, кто их использует»¹⁸, либо объективистское – «stosunek między ciągiem znaków a elementami sytuacji, do której należy też nadawca i odbiorca»¹⁹. Второе определение совершенно неприемлемо для функционального прагматизма, поскольку гипостазировывает и дегуманизирует понятие семиотической ситуации.

Проблема, на первый взгляд, может быть сформулирована двояко: либо коммуницирующие личности наряду с огромным количеством других факторов являются всего лишь элементами объективно существующей семиотической ситуации – дискурса, либо каждый из коммуникантов создает для себя в своем сознании собственную коммуникативную ситуацию и устанавливает собственное значимое отношение между знаком и семиотической интенцией. Первый способ рассуждения явно объективистский, второй – явно субъективистский. Первый подход превращает человека в малозначительный компонент ситуации (следующий шаг по этому пути – признание физической интеракции двух компьютеров или даже двух более простых технических устройств семиотической или даже коммуникативной ситуацией). Второй подход профанирует саму идею общения и интерактивного семиотического поведения, поскольку пребывание в разных коммуникативных ситуациях (или точнее, создание в собственном воображении своей личной семиотической ситуации) не позволяет говорить о коммуникации и общении. Как же решает эту проблему функциональный прагматизм?

¹⁸ СТЕПАНОВ, сноска 12, с. 441.

¹⁹ *Encyklopedia...*, сноска 13, с. 526.

Мы должны опять обратиться к ключевому методологическому понятию семиотического опыта. Парадокс семиотического опыта конкретной человеческой личности состоит в том, что, будучи индивидуально-личностным в онтическом отношении, он, тем не менее, социален и интерперсонален в функциональном и генетическом плане. Обе крайние точки семиотического опыта – картина мира (интенциональное мышление) и сигнализация (манипулирование семиотическими предметами) социально значимы и сверхличностны. Личность (картина мира и способ психического бытия) формируется у человека в ходе его социально и семиотически обусловленного онтогенеза. Этот аспект был очень хорошо разработан еще в первой трети XX века Львом Выготским, построившим свою культурно-историческую концепцию человеческой деятельности на базовом понятии интериоризации культурно-предметного и семиотического опыта: «Личность <...> есть понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития»²⁰. В другой работе Выготского читаем: «Между человеком и миром стоит еще социальная среда, которая по-своему преломляет и направляет и всякое раздражение, действующее извне к человеку, и всякую реакцию, идущую от человека вовне»²¹. Лев Выготский неоднократно подчеркивал бессмысленность противопоставления психологического и социального, об ошибочности понимания позитивистски ориентированными учеными социального «грубо эмпирически, непременно как толпу, как коллектив, как

отношение к другим людям. Общество понимается как объединение людей, как добавочное условие деятельности одного человека. Эти психологи не допускают мысли, что в самом интимном, личном движении мысли, чувства и т. п. психика отдельного лица все же социальна и социально обусловлена <...>. Именно психология отдельного человека, то, что у него есть в голове, это и есть психика, которую изучает социальная психология. Никакой другой психики нет»²². В семиотическом и лингвистическом плане это положение было выделено в качестве основополагающего И. А. Бодуэном де Куртенэ («Первым, кардинальным требованием объективного исследования должно быть признано убеждение в безусловной психичности (психологичности) и социальности (социологичности) человеческой речи»²³, или «Язык – явление насковзь, однородно психично-общественное»²⁴) и Ф. де Соссюром («Языковую деятельность постоянно рассматривают в пределах *отдельного индивида*, а это ложная точка зрения <...>. Язык является социальным фактом»²⁵, но при этом «языковая способность локализуется исключительно в мозгу»²⁶). Манипуляция семиотическими предметами постоянно подвергается прямому или косвенному контролю со стороны наших собеседников. Критерием прагматической ценности наших знаков становится успех коммуникации и семиотического поведения в целом. Специфика функционально-прагматического понимания семиотической ситуации состоит в том, что она одновременно субъективна и объективна. Либо иначе: она и не субъективна, и не объективна, она антропологически прагматична.

²⁰ ВЫГОТСКИЙ, Л. С. История развития высших психических функций. In ВЫГОТСКИЙ, Л. С. *Собрание сочинений в шести томах. Проблемы развития психики*. Москва, 1983, т. 3, с. 315.

²¹ ВЫГОТСКИЙ, Л. С. *Психология искусства*. Москва, 1986, с. 319.

²² ВЫГОТСКИЙ, сноска 21, с. 26.

²³ БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ, И. А. Языкознание, или лингвистика XIX века. In БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ, И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Москва, 1963, т. 2, с. 17.

²⁴ БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ, И. А. *Николай Крушевский, его жизнь и научные труды*. In БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ,

И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Москва, 1963, т. 1, с. 200–201.

²⁵ СОССЮР, сноска 5, с. 66.

²⁶ СОССЮР, сноска 5, с. 94.

Давайте посмотрим на феномен семиотической ситуации с онтологической точки зрения. Либо она часть опыта, либо это предмет опыта. Как функционалист и прагматист я не могу принять возможность существования смысла, значений, информации вне какого-либо опыта. Вывод прост: семиотическая ситуация – функция опыта. Так что же, выходит, она все-таки личностна? Да, но по целевой направленности это функция со-общения с другими опытами, с опытами других личностей. Хитрость в том, что какую-то ситуацию мы можем признать семиотической (в т. ч. и коммуникативной) только тогда, когда в ее ходе осуществляется значимый для нас акт опосредованного обретения информации. Понятно, что ни мы со своей информацией, со своими знаками и сигналами непосредственно не проникаем в опыт другого человека, ни он не проникает в наш, но механизмы обратной связи, контроля и вероятностного прогнозирования следствий нашей деятельности, постоянно задействованные в семиотическом опыте, дают нам все основания для веры в то, что семиотические ситуации созданные мной и моим собеседником (собеседниками) в ходе нашей совместной предметно-коммуникативной деятельности в значительной степени синхронизированы, чему свидетельством успешное прохождение коммуникации (не в смысле полученной нами выгоды, но в смысле признания ее ценности, значимости для нашего опыта). Именно этот последний момент становится центральным для всей функционально-прагматической теории семиотической деятельности. Прагматика знака – это основа семиотического опыта, это не третий аспект знака, как ее пытаются представлять в традиционной семиотике, а *основное онтологическое его свойство*, реализующееся через его системно-функциональные свойства – семантику и синтактику. Как писал Ф. де Соссюр, «ценность шахматных фигур основана исключительно на *возможностях их исполь-*

зования или на их вероятной *последующей* судьбе, а не [на их соотношении в данной позиции]». Таким образом, ценность знака состоит не столько в его отнесенности к объекту обозначения, к сигналам или к другим знакам (что квалифицирует знак как функциональную структуру), сколько в его телеологических регулятивных потенциях. Суть знака состоит в его предназначении быть регулятором общественно-психологического и предметного опыта человека²⁷. Кроме семиотических средств у нас нет иных способов целенаправленного воздействия на опыт другого человека. Именно семиотическая деятельность лежит в основе формирования культуры и цивилизации. Через коммуникативные знаки и культурные символы мы осуществляем цивилизационную и культурную регуляцию не только общественного, но и своего собственного опыта.

В онтологическом плане я хотел бы определить знак как:

- регулятивно-телеологическую ценность социально-психологического опыта,
- минимальную самостоятельную единицу семиотической деятельности,
- ценностное функциональное отношение некоторого понятия (или представления) к сигналу (или нескольким сигналам).

Сигнал, в свою очередь, определяется как ценностное отношение некоторого знака к некоторому сигнальному предмету или предметной ситуации.

Я считаю вполне уместным закончить статью одним очень интересным и показательным пассажем из соссюрских дневников, который, как мне кажется, демонстрирует антропологическое измерение знака в функциональном прагматизме, а также объединяет лингвистические концепции Соссюра, Бодуэна де Куртенэ, Потебни, многих прагматов и психологическую теорию деятельности Выготского с философскими воззрениями И. Канта и В. Джемса: «По мере того, как мы углубляемся в предмет

²⁷ Роль регулятивной функции как основной макрофункции языка постоянно подчеркивает в своих работах мой коллега по функционализму А. Н. Рудяков.

изучения лингвистики, мы все больше убеждаемся в справедливости утверждения, которое, признаться, дает нам богатейшую пищу для размышления: в области лингвистики *связь, которую мы устанавливаем между объектами, предшествует самим этим объектам и служит их определению*. В других областях науки существуют заранее данные вещи, объекты, которые можно затем рассматривать с различных точек зрения. У нас же прежде всего точки зрения, верные или ложные, но всегда

лишь точки зрения, и уже с их помощью СОЗДАЮТСЯ объекты. Эти созданные объекты соответствуют реальности, если исходная точка *оказывается верной*, и не соответствуют ей в противоположном случае; но в обоих случаях ничто, *ни один объект не дан нам хотя бы на мгновение сам по себе*. Это верно даже тогда, когда речь идет о самом что ни на есть материальном факте, казалось бы, заранее определенном со всей ясностью, как, например, последовательность произнесенных звуков»²⁸.

Oleg Leszczak

Holy Cross Academy n. a. Jan Kochanovski

THE ONTOLOGY OF A SEMIOTIC EXPERIENCE (FUNCTIONAL-PRAGMATIC POINT OF VIEW)

Summary

The paper focuses on the ontological status of the key subjects in semiotics, namely a sign, a signal and a semiotic activity from the point of functional-pragmatic methodology; such notions as “semantics”, “syntactic” and “pragmatics” are submitted to a functional critical review. The sign and the signal are considered as informational two-side units and as the functions of experience differing according to their ontological status as from the

subjects of experience being appointed by the units as the signal objects introducing them in the course of interpersonal communication. All types of signals (both natural and arbitral ones) are deliberately equated in the ontological relation. Simultaneously, the sign is differentiated ontologically as a mental function of thinking and the signal as a psycho physiological function. From the point of the functional – pragmatic methodology, the traditional treatment of such notions as semantics, syntactic and pragmatics of a sign is reconsidered. The sign is treated as having dual functional value – pragmatic (teleological) and structural (semantic and formal).

KEY WORDS: semiotics, semiotic activity, sign, signal, functionalism, pragmatism, ontology.

Gauta 2003 12 20

Priimta publikuoti 2004 02 11

²⁸ СОСЦИОП, сноска 5, с. 109–110. (Выделено мною. – О. Л.)